

Сегодня, когда творческое наследие Леонида Андреева возвращено читателям и вписано в русскую литературу «серебряного века», стало возможно заново поставить вопрос о его месте в европейской литературе XX века. При этом следует учитывать не только прямое воздействие прозы и драматургии Андреева на последователей, но и те художественные поиски и открытия писателя, которые в рамках его времени остались лишь экспериментом и свою продуктивность обнаружили гораздо позже.

Благодаря работам отечественных и зарубежных ученых (от И.И. Иоффе и К.В. Дрягина до Л.А. Иезуитовой, В.А. Келдыша, Ю.В. Бабичевой, Л.Н. Кен, А.Л. Григорьева, С.С. Кирсиса, В.В. Заманской, А.В. Татарина, Р. Дэвиса, Л. Силард и др.), сегодня уже не нужно доказывать, что Андреев был одним из первых *экспрессионистов*; все более очевидно его место у истоков европейской литературы абсурда и в *экзистенциалистской парадигме* XX столетия; специфика и функции *игрового начала* в художественном мире Андреева позволяет рассматривать его в связи с востребованностью подобной поэтики *постсимволизмом* начала и *постмодернизмом* конца прошлого столетия.

Наконец, встал вопрос о продуктивности опыта андреевской *мифопоэтики* вообще и его «евангельских историй», в частности. Прежде всего ответ на него стали искать в связи с самым известным русским романом-мифом XX столетия – «Мастером и Маргаритой» (1940) М. Булгакова [5; 9] и «Иисусом Неизвестным» (1932) Д. Мережковского [6]. Не менее целесообразным представляется сопоставительный анализ неомифологии Андреева и его младшего современника – шведского писателя Пера Лагерквиста (1891–1974), который был моложе на 20 лет, а в литературу вошел в 1912 году. Очерченные параметры художественного мира Андреева и векторы динамики его новаций позволяют поставить вопрос как о *типологическом сходстве*, так и о *генети-*

ческой связи их творчества. Более очевидно первое, но начнем со второго.

Для русского читателя в текстах Лагерквиста масса отзвуков мотивов, образов, коллизий из произведений Андреева. Так, в «зачине» романа-мифа Лагерквиста «Варавва» (1950) ощутим *интертекст* андреевского «евангельского» цикла. Подобно тому как у Андреева в «Иуде Искарите» восхождение на Голгофу и Распятие было представлено *остраненно* в восприятии Иуды, у Лагерквиста это передано с точки зрения Вараввы, который ощущает *странную связь* между собой и распинаемым. Кроме того, здесь функционирует мотив *безразличия толпы* к распинаемому Иисусу (как в «Бен-Товите») и мотив *воскресения (жизни после смерти)* как в «Елеазаре»: «не диво, если Варавва *кажется чудным*...ведь, раз кого приговорили к смерти, тот уже умер, ...был мертвым. И только воскрес, а это... не то же самое, что просто жить...как другие» (здесь и далее курсив мой. – И.М.) [3:II:152]. (Ср. у Андреева в «Елеазаре»: «Кроме лица, изменился как будто нрав Елеазара... молчаливый, уже *до ужаса другой и особенный*» [1:193]).

Затем в романе появляется и тот, кого «Учитель воскресил из мертвых» [3:II:172], то есть сам Елеазар. Как и андреевский герой, «говорил он медленно, *без выражения* и все время смотрел на Варавву *...потухшим взглядом*» [3:II:173], который «*непонятно его притягивал*», а «покинутое лицо пугало его (Варавву – И.М.), *но он не мог отвести от него глаз*» [3:II:174]. (Ср. у Андреева: «Холодно смотрел он (Елеазар – И.М.), как тот, кто *бесконечно равнодушен к живому*» [1:194]. У андреевского Елеазара – «взгляд, в глубине которого неподвижно застыло *ужасное... непостижимое Там*» [1:195–196], «грозно молчащее *Ничто*» [1:204]. «Погибало под *равнодушным* взором чудесно воскресшего все, что служит к утверждению жизни» [1:204–205]).

На вопрос Вараввы о царстве мертвых, воскресенный отвечает вполне «по-андреев-

ски»: «*Я был мертв. А смерть – это ничто... Я не могу о нем рассказать. Царство мертвых – это ничто. Оно есть, но оно – ничто... Но для того, кто там побывал, и все остальное – ничто*» [3:II:173–174]. (Ср. у Андреева: «Елеазар медлил с ответом (Августу – И.М.) и наконец повторил *равнодушно и тускло*: – *Я был мертвым*» [1:206]). По сути дела, у Лагерквиста воскресший с трудом пытается облечь в слова то же самое, что у Андреева выражал взгляд Елеазара.

Еще раз Варавва «умирает», попав в копи (под землю, в «ад»), а затем вновь «воскресает», выйдя оттуда: «Выйдя из копей, он был *похож скорее на мертвеца: тело иссохло и глазницы, без взгляда, пусты...*» [3:II:192]. «Андреевский» комплекс Елеазара (мотивы жизни после смерти, равнодушия воскресшего к жизни, смерти как Ничто (пустоты), невыразимости тайны этого Ничто словами и др.), развиваясь, проходит через весь роман Лагерквиста, становясь его структурообразующим и концептуально важной составляющей. Подобные примеры можно легко умножить – в «евангельских историях» Андреева и Лагерквиста сходны многие ключевые мотивы и их интерпретация. Однако найти достоверные свидетельства того, что Лагерквист читал произведения Андреева, пока не удалось. О знакомстве Лагерквиста с русской литературой известно лишь то, что он оценил роман-миф «Леонардо да Винчи» (1900) Мережковского, который стал одним из претекстов романа «Карлик» (1944) [4:17].

Если учитывать, что, большинство наиболее репрезентативных произведений русского писателя (в том числе и «евангельские истории») уже при его жизни были переведены на французский, немецкий, английский, итальянский, испанский, шведский, датский и другие европейские языки и опубликованы за рубежом, а его драмы с успехом шли в различных театрах Европы, то трудно представить себе, что Лагерквист был с ними совершенно не знаком. Так, «Рассказ о семи повешенных» в 1908 г., а «Дневник Сатаны» в 1921 г. были переведены на шведский язык, а роман-миф «Сашка Жегулев» в 1918 г. на датский, «Иуда Искариот» в 1908–1914 гг. на французский, датский, итальянский и другие языки; «Бен-Товит» и «Елеазар» переведены в 1907–1919 гг. на английский, испанский и итальянский. В 1919 г. во Флоренции был издан сборник андреевских рассказов «Елеазар и другие рассказы», который включал в себя весь «евангельский цикл». С середины 1920-х годов Лагерквист, по определению его

биографов, вел кочевой образ жизни, посещая Италию, Францию, Испанию, Норвегию, Северную Африку, а в 1930-х – вновь Италию, Грецию, Иерусалим, Германию [2; 4]. Так что возможность познакомиться с переводами произведений не только Мережковского, но и Андреева, у него, видимо, все же могла быть.

Если же оставаться на почве точных фактов, то сегодня можно говорить только о поразительном **типологическом сходстве** неомифологической прозы Андреева и шведского писателя. Характерное для творчества обоих писателей стремление к циклизации и сопряжению всего написанного в единый текст привело к созданию типологически подобных **неомифологических «библейско-евангельских» циклов**. У Андреева «евангельский» цикл составляют новеллы «Бен-Товит» (1905), «Елеазар» (1906) и повесть «Иуда Искариот» (1907); андреевский Апокалипсис включал лирико-экспрессионистические миниатюры «Три ночи», «Воскресение всех мертвых» (обе – 1914) и экстравагантцу «Черт на свадьбе» (1915); роман-миф Андреева «Сашка Жегулев» (1911) запечатлел превращение Христа в Антихриста, а «Дневник Сатаны» (1919) – Антихриста в Христа. Все эти произведения связаны не фабульно, а мотивно.

У Лагерквиста романы-мифы «Варавва» (1950), «Сивилла» (1956), «Смерть Агасфера» (1960), «Пилигрим в море» (1962), «Мариамна» (1967) складываются в еще более внутренне целостный «библейско-евангельский» цикл-текст с еще более сложной (виртуозной), чем у Андреева, **мотивной структурой**, воплощающий оригинальный **авторский миф** о человеке [2; 4]. Лагерквист блестяще развил те циклообразующие принципы, основа которых была заложена в европейской прозе рубежа веков. При этом, видимо, можно говорить и о преломлении в творчестве Лагерквиста опыта Мережковского-неомифолога 1890–1900-х годов (прежде всего, его трилогии «Христос и Антихрист»). Но он не пошел по пути позднего Мережковского – проповедника христианства Третьего Завета, создателя объемных неомифологических произведений, вроде «Иисуса Неизвестного». Путь Лагерквиста пролегал в том русле развития европейской литературы, по которому чуть раньше его шел и Андреев – *вопрошающий истину*, создатель предельно лаконичной, экспрессивной мифопоэтической прозы с мотивной основой.

Лагерквист (как и Андреев) добивался неоспоримой художественной убедительнос-

ти в воссоздании общеизвестных, но в первоисточниках лишь «контурно» обозначенных образов (Вараввы, Агасфера и др.) не за счет многочисленных косвенных свидетельств (как «король цитат» Мережковский), а следуя логике изображаемых архетипов человеческой личности и повторяющихся век от века коллизий. Основным пафосом этих произведений (как и у Андреева) было *сомнение и вопрошание (Истины, Бога, Веры)*. Как выразился А. Зверев, у Лагерквиста «обо всем сказано со знаком вопроса» [2]. Таким образом, мифотворчество Лагерквиста косвенно свидетельствует о несомненной продуктивности адогматичной, трагико-иронической мифопоэтики Андреева в дальнейшем развитии литературы XX века.

О корректности подобного вывода свидетельствуют и результаты сопоставительного анализа *жанровых систем этих писателей в целом*, обнаруживающие их *типологическое подобие*. Кроме уже охарактеризованных «библейско-евангельских» циклов, они включают в себя *лирико-экспрессионистические миниатюры, новеллы и повести «потока сознания»* (ср.: «Молчание» (1900), «Красный смех» (1904), «Мои записки» (1908) Андреева и «Требовательный гость» (1910), «Красный отсвет» (1915), «Утро» (1920), «Отец и я» (1923), «Приключение», «Юхон Спаситель», «В мире гость» (все три – 1924) Лагерквиста); *«условные», притчеобразные неомифологические новеллы и повести* (ср.: «Стена» (1901), «Три ночи», «Воскрешение всех мертвых» (обе – 1914) Андреева и «Улыбка вечности» (1920), «В подвале», «Новое время» (оба – 1924) Лагерквиста); *иронические, абсурдистские сказочки и анекдоты с «черным юмором», вошедшие в циклы «Сказочки не совсем для детей» (1913) и «Мои анекдоты» (1914) Андреева, а у Лагерквиста – в «Злые сказки» (1924); различные типы «новой драмы», в том числе и «условные», стилизованные, вроде триптиха одноактных драм «Трудный миг» (1918), которые соотносимы с драмами Андреева «Жизнь Человека» (1907), «Черные маски» (1908), «Анатэма» (1909) и т.п. Правда, Лагерквист в отличие от Андреева писал и стихотворную лирику.*

Во всех этих произведениях осмысляются «последние», «проклятые» проблемы смысла и цели жизни человека и человечества; Бога и человека, одиночества, богооставленности и богоискательства последнего; претензии человека на богоизбранность и его страдания от преследований (проклятия) Бога; проблемы «сверхчеловека» и «недочеловека» и т.п. Недаром и Андреева, и Лагерквиста считают одними из создателей европейской экзистенциалистской литературы.

Подобные типологические схождения, сегодня можно довольно легко и вполне убедительно объяснить *сходством миросостояний России на рубеже столетий и Европы, находящейся между двух мировых войн*. При всем их своеобразии это были эпохи глубочайшего духовного и общественного кризиса: утраты прежних сверхличных ценностей и поисков новых духовно-нравственных ориентиров и жизненных опор. Лагерквист был младше Андреева на 20 лет, но застал и рубеж веков. Андреев же, хотя и умер в 1919 году, успел пережить все русские революции и Первую мировую войну и, поняв, что ожидает Европу впереди, написал об этом в «Дневнике Сатаны». Не менее очевидно и важно учитывать *родство мироощущений двух современников*.

Наконец, эти писатели так близки еще и потому, что их творчество питалось одними «общеевропейскими» истоками – от Библии до модернистов конца XIX века, вроде Стриндберга, Гамсуна, Франса, Мережковского и других. Они имели дело с одним и тем же устойчивым кругом «вечных» проблем, образов мотивов и художественных способов их освоения [7]. Сквозь оболочку злободневной сиюминутности социальной и национальной жизни они умели рассмотреть архетипические ситуации и модели поведения человека. Были ли произведения Андреева известны Лагерквисту, пока не ясно. Но понятно другое: если бы Андреев не умер в расцвете сил в 1919 году, то писал бы прозу, подобную лагерквистовской. Им был угадан очень продуктивный путь развития литературы в XX веке. Недаром за подобную прозу Лагерквист в 1951 году получил Нобелевскую премию.

Литература

1. Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6-ти т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1990–1996. 2. Зверев А. Пилигрим в море. – <http://www.lagerkvist.ru/>. 3. Лагерквист П. Сочинения: В 2-х т. – Харьков: Фолио, 1997. 4. Мацевич А.А. Миф о человеке Пе-

ра Лагерквиста // Лагерквист П. Сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – Харьков: Фолио, 1997. – С. 5–22. 5. Московкина И.И. «Дневник Сатаны» Л. Андреева в контексте неомифологии XX века // Эстетика диссонансов: О творчестве Л.Н. Андреева. –

Орел, 1996. – С. 15–18. **6.** *Московкина И.И.* Евангельские истории Л. Андреева и «Иисус Неизвестный» Д. Мережковского // *Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна.* – № 765: Сер. Філологія. – Вип. 50. – С. 130–132. **7.** *Няму А.* Миф. Легенда. Литература (теоретические аспекты функционирования). – Черновцы, 2007. **8.** *Татаринов А.В.*

Леонид Андреев // *Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): В 2-х кн.* – Кн. 2. – М.: Наследие, 2001. – С. 286–340. **9.** *Яблоков Е.А.* Андреевские мотивы в творчестве М. Булгакова // *Эстетика диссонансов: О творчестве Л.Н. Андреева.* – Орел, 1996. – С. 31–36.

АНОТАЦІЯ

У статті досліджується специфіка, типологічна схожість та продуктивність міфопоетики Л. Андреева та П. Лагерквіста в літературі ХХ ст.

SUMMARY

The article deals with the characteristic features, typological similarities, and efficiency of L. Andreev and P. Lagerkvist's mythopoetics in the 20th century literature.